

ОБЗОРЫ

Погружение в историю военного времени

Пьер МАРИИО¹

МОЙ ОПЫТ ВОЙНЫ. ДЕТСТВО В ОККУПИРОВАННОЙ ЛА-РОШЕЛИ

¹ доктор лингвистики, ассоциированный исследователь,
Университет Тулузы им. Жана Жореса (Франция)
p.marillaud.cals@orange.fr

Переводчик с французского:

Наталья Николаевна Белозёрова²

² доктор филологических наук, профессор,
Тюменский государственный университет
natnicbel@gmail.com

DOI: 10.21684/2411-197X-2020-6-1-166-188

L'hiver 1938-1939

Il suffit de plonger du mieux qu'on le peut dans son passé pour se rendre compte que notre mémoire a enregistré pendant notre « petite enfance » un grand nombre d'informations, qui, non significatives ou presque au moment de leur réception, prennent cependant du sens plus tard quand l'expérience de la vie permet de situer les unes en fonction d'événements personnels importants, les autres en fonction de l'Histoire à laquelle elles peuvent se raccrocher de manières les plus diverses.

Зима 1938/39

Достаточно как можно глубже погрузиться мысленно в прошлое, чтобы понять, что наша память записала большое количество информации о нашем «раннем детстве», которая может показаться незначительной, случайно цепляющейся. И только жизненный опыт может определить степень ее значимости для осмысления как собственной жизни, так и истории.

Le premier événement que je tiens à signaler est associé au froid, à un hiver 1938-39 neigeux, même dans le Sud-Ouest de la France, et aussi à un problème de santé: déjà, à cinq ans, j'avais les bronches fragiles.

En décembre 1938, mes parents nous avaient fait suivre, mon frère (8 mois) et moi (4 ans), aux sports d'hiver à Superbagnères, station de ski située au-dessus de Luchon, dans les Pyrénées. A notre retour de la montagne, comme je toussais souvent, le médecin de famille persuada ma mère de me faire passer l'hiver dans la forêt des Landes, dans le Sud-Ouest de la France, en conseillant de me faire respirer tous les matins au-dessus des petits pots accrochés aux troncs des pins où les forestier récupéraient de la résine. Ma grand-mère maternelle m'accompagna donc à Mano, tout petit village composé de trois maison et d'un hôtel perdus dans l'immense forêt, où nous passâmes les deux mois de janvier et février 1939. Je sais que ce que je suis en train de raconter n'a pas de lien apparent avec la guerre et pourtant il y en a un, et même deux...

Dans l'hôtel du hameau landais, nous vivions, ma grand-mère et moi, une vie calme et tranquille rythmée par la quotidienne promenade matinale en forêt au cours de laquelle je respirais fort après avoir mis mon nez au dessus des de pots de résine. J'étais le seul enfant de l'hôtel, ce qui me valait beaucoup de privilèges et de gâteries de la part du personnel. Un jour cette douce tranquillité fut brisée par l'arrivée soudaine de plusieurs familles

Первое событие, о котором я хочу рассказать, связано с холодной, снежной зимой 1938/39 г. Холодно было даже на юго-западе Франции, что мне запомнилось, поскольку у меня уже в пять лет были проблемы с бронхами.

В декабре 1938 г. мои родители отправили меня с бабушкой и с восьмимесячным братом на горнолыжный курорт Супербаньер, который расположен в Пиренеях над городком Баньер-де-Люшон. Когда мы вернулись, я часто кашлял, и семейный врач убедил мою маму отправить меня на зиму в знаменитый лес Ля Форе де Лянд, что на юго-западе Франции, посоветовав мне каждое утро вдыхать там смоляные испарения из маленьких горшочков, что висели на стволах сосен для сбора смолы. Я и моя бабушка по материнской линии жили в крошечной деревне Мано, затерянной в огромном лесу, которая состояла из трех домов и гостиницы, где мы провели январь и февраль 1939 г. Я прекрасно осознаю, что эта история, на первый взгляд, не имеет очевидной связи с войной, и тем не менее одну, а то и две можно обнаружить....

В гостинице этой маленькой деревушки мы с бабушкой жили спокойной и мирной жизнью, утром гуляли по лесу, во время прогулки я глубоко вдыхал смоляной дух, исходящий из горшочков. Я был единственным ребенком в гостинице, и меня баловали все, особенно персонал. Однажды это сладкое спокойствие было разрушено внезапным прибытием нескольких испанских семей. Конечно, я ничего не знал об

espagnoles. Bien sûr je ne savais rien de la terrible guerre civile qui déchirait l'Espagne, et j'étais émerveillé car tous les soirs ces nouveaux clients sortaient leurs guitares et jouaient une musique sur laquelle ils dansaient dans la grande salle des fêtes de l'hôtel. Parfois une des danseuses de flamenco venait me chercher et m'apprenait des pas de danse et des gestes particuliers à réaliser avec les bras et les mains. Ma grand-mère qui regardait son petit-fils pris dans les spirales du folklore espagnol souriait et applaudissait. Elle m'expliqua que ces gens étaient des « Républicains » qui avaient fui leur pays. Elle ne m'en dit pas plus mais ce dont je suis sûr c'est que mon goût pour le flamenco est né là, au fond d'une immense forêt, et qu'il ne m'a jamais quitté depuis. Plus tard on m'expliqua comment l'aviation allemande avait aidé le dictateur Franco à vaincre les Républicains, on me parla du bombardement de Guernica et du tableau qu'il inspira à Picasso. Alors je me souvins de ces belles soirées de musique et de danse que je devais à une guerre civile qui était une sorte d'introduction à la guerre mondiale qui se préparait à enflammer le monde.

Mais les souvenirs de ce séjour à Mano me renvoient aussi à un petit fait anodin qui a pourtant, lui aussi, un rapport avec la guerre à venir. L'hiver 1938-39 fut froid et la forêt fut couverte par trente à quarante centimètres de neige. Mon père accompagné de mon grand-père vint nous voir, ma mère étant restée avec mon petit frère à La Rochelle, ma ville natale, où elle

ужасной гражданской войне, которая разрывала Испанию на части. Для меня было удивительно, что каждый вечер эти новые постояльцы брали свои гитары, играли и танцевали под эту музыку в большом зале гостиницы. Иногда один из танцоров фламенко брал меня и обучал, как надо танцевать и щелкать пальцами. Моя бабушка, которая наблюдала за своим внуком, застрявшим в спиралах испанского фламенко, улыбалась и аплодировала. Она объяснила мне, что эти люди были «республиканцами», покинувшими свою страну. Она не говорила мне больше ничего, но в чем я уверен, так это в том, что мое пристрастие к фламенко родилось там, в глуши огромного леса, и с тех пор оно никогда не покидает меня. Позже мне рассказали, как немецкие военно-воздушные силы помогли диктатору Франко победить республиканцев, мне рассказали о бомбежке Герники и картине, которую после этой бомбежки написал Пикассо. Поэтому я вспомнил те прекрасные музыкально-танцевальные вечера, на которых мне удалось побывать только благодаря гражданской войне в Испании, которая была своего рода вступлением в мировую войну, готовившуюся зажечь мир.

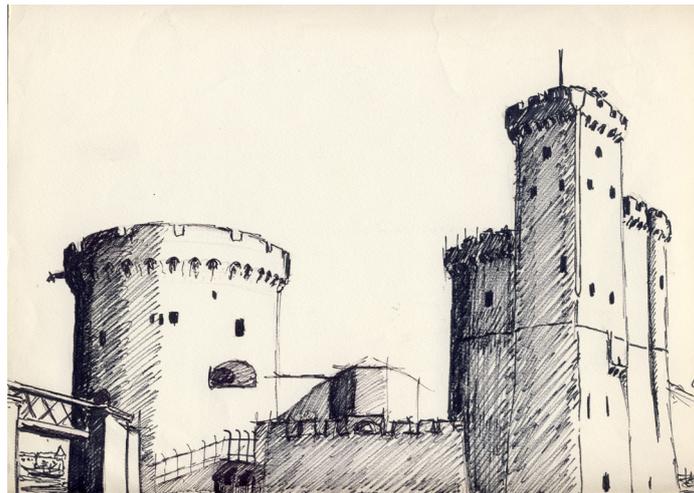
Второй эпизод, связанный с ощущением грядущих событий, тоже произошел во время нашего пребывания в высокогорной деревушке Mano.

Зима 1938/39 г. была холодной, и высота снега в лесу составляла от тридцати до сорока сантиметров, что делало прогулки невозможными. Зато на несколько дней к нам с

assurait le fonctionnement de notre librairie-papeterie-imprimerie au numéro 47 de la rue Saint-Yon. Les routes n'avaient pas été toutes déneigées mais la *Traction avant Citroën 11 légère* toute neuve avait paraît-il magnifiquement roulé. Ce furent deux journées pleines de joie que je passai avec mon père et mes grands parents. Or mon père m'avait apporté un magnifique cadeau : une grande boîte de carton, longue, qui contenait six maquettes en plomb des plus importants bateaux de la flotte de guerre française. Il m'expliqua les fonctions de chacun de ces bateaux. Il y avait les cuirassés *Dunkerque* et *Strasbourg*, les croiseurs *Montcalm* et *Gloire*, un torpilleur et un contre-torpilleur. La passion de la marine habitait de nombreux membres de ma famille, ma grand-mère maternelle était la fille d'un marin cap-hornier, son frère était marin, mon père avait eu à l'âge de 16 ans son premier voilier de plaisance, le *Pétrel*, et d'autres membres de la famille étaient armateurs du port de La Rochelle.

бабушкой приехали мой отец и дед. Моя мать осталась с младшим братом в Ла-Рошели, в моем родном городе, где она управляла нашим книжным магазином и типографией, что располагались в доме № 47 по улице Сент-Йон. Хотя дороги еще не были полностью расчищены, новый Citroën 11 Traction отца, очевидно, ехал с легкостью. Это были два радостных дня, которые я провел с отцом, бабушкой и дедушкой. Отец привез мне великолепный подарок: большую длинную картонную коробку с шестью моделями самых главных кораблей французского военного флота. Он объяснил мне, для чего был построен каждый из этих кораблей.

Это были линейные корабли «Дюнкерк» и «Страсбург», крейсера «Монкальм» и «Глоар» (Слава), а также торпедный катер и эсминец. Страсть к военно-морскому флоту была присуща многим членам моей семьи, моя бабушка по материнской линии была дочерью моряка

Ces bateaux de guerre en plomb firent partie de mes jouets favoris et encore aujourd'hui je peux en faire des croquis de mémoire tant je les ai dessinés et redessinés. Bien sûr, plus tard, dans ma chambre, en pleine guerre, ils gagnèrent tous les combats dans lesquels je les engageais, et je ne pouvais imaginer que dans la réalité, ils seraient attaqués en juillet 1940 à Mers El-Kébir, en Algérie, par la flotte de nos alliés anglais..., et qu'ils finiraient lamentablement sabordés le 27 novembre 1942 dans le port de Toulon, la Marine Nationale Française, dite « la Royale », n'ayant pas eu le courage de désobéir à Pétain ni de rallier De Gaulle et l'Angleterre pour faire face à Hitler...

A mon retour à La Rochelle, je ne toussais plus...

Printemps 1939

Un premier symptôme : le grand prix automobile de Pau en 1939.

C'est avec un vrombissement terrible des moteurs que les monoplaces surgissent de la ligne droite des tribunes pour entrer dans la grande courbe à la sortie de laquelle elles entament la montée vers le jardin public de la ville de Pau dominée par le château où naquit le roi Henri IV. Je suis avec ma mère, j'ai cinq ans, et le bruit des voitures

кейп-хорнье¹, его брат тоже был моряком, у отца в возрасте 16 лет появилась первая собственная прогулочная яхта, которую он назвал «Буревестник». Другие члены семьи швартовали свои суда в порту Ла-Рошели. Модели, подаренные отцом, заворожили меня. Эти ведущие военные корабли были одной из моих любимых игрушек, и даже сегодня я могу сделать их наброски по памяти, потому что я их рисовал и перерисовывал. Конечно, позже в моей комнате, в разгар войны, они выигрывали все бои, и я не мог себе представить, что в действительности они будут атакованы в июле 1940 г. в Мерс-эль-Кебир, в Алжире, флотом наших английских союзников... и в конечном итоге затоплены 27 ноября 1942 г. в порту Тулона. Военно-морской флот Франции, известный как «Королевский», не посмел послушаться маршала Филиппа Петена и упустил возможность сплотиться вокруг Де Голля и Англии, чтобы противостоять Гитлеру...

Когда я вернулся в Ла-Рошель, я больше не кашлял.

Весна 1939 г.

Первый симптом: Гран-при в По в 1939 г.

С ужасным ревом двигателей одиночные автомобили появляются из-за прямой линии трибун и вырываются на большую кривую, преодолев которую, они мчатся вверх к городскому саду города По, с его знаменитым замком, где родился король Генрих IV. Я смотрю эту гонку со своей матерью, мне пять лет, и

¹ Фр. cap-hornier — мореплаватель, который был на корабле, обогнувшем Мыс Горн. Считалось наивысшей доблестью среди моряков.

de course me fait presque peur, en particulier celui des Mercedes à carrosseries argentées sur lesquelles flambent leurs numéros marqués en rouge. Plus tard en lisant des revues automobiles j'ai appris qu'il s'agissait des «*Flèches d'argent*» équipées d'un moteur de 3,3 litres de cylindrée avec compresseur. Elles étaient en tête, dominaient les rouges Alfa-Roméo et Maserati italiennes, et les voitures françaises, bleues, des Delahaye, des Bugatti et une Talbot. Il se peut que ce soit cette course qui fit naître en moi une certain goût pour le sport automobile, mais, ce qui est inattendu, c'est que son souvenir reste lié à la Deuxième Guerre mondiale qui n'était pourtant pas encore déclarée.

J'étais debout sur la pelouse au milieu des adultes, debout eux aussi, et je ne faisais qu'entrevoir les voitures. C'est alors qu'un spectateur, s'apercevant que j'étais gêné pour regarder la course, demanda à ma mère s'il pouvait me prendre sur ses épaules, ce qu'elle accepta en le remerciant. Les Mercedes, pilotées par les allemands Hermann Lang, Manfred von Brauchitsch et Rudolf Caracciola dominaient les autres voitures. Derrière elles le pilote français Étancelin sur la Talbot était au coude à coude avec une Alfa Roméo. Alors que la fin de la course approchait et qu'une des Mercedes avait abandonné, j'entends ma mère dire sur un ton très énervé à mon Parrain, qui nous accompagnait, «*Les Allemands vont gagner et c'est un macaroni qui va prendre la 3e place !*».

Le spectateur qui me portait sur ses épaules, ayant entendu ce propos, se tourna vers ma mère et lui dit : «*Madame, je suis italien*». Elle lui présenta

шум гоночных автомобилей почти пугает меня, особенно серебристый «Мерседес», который сверкает красными цифрами. Позднее, когда я читал журналы для автомобилистов, я узнал, что это были «Серебряные стрелы», с рабочим объемом 3,3 литра, оснащенные компрессором. Они лидировали, доминируя над итальянскими красными «Альфа-Ромео» и «Мазерати», а также французскими, голубыми, «Делайе», «Бугатти» и «Тальбо». Возможно, именно эта гонка привила мне определенный вкус к автоспорту, но что неожиданно, так это то, что память о ней оказалась связанной со Второй мировой войной, которая еще не была объявлена.

Я стоял на газоне среди взрослых, пытаюсь через пространство между ними следить за гонкой. Один из зрителей, понимая, что мне было не всё видно, спросил мою маму, может ли он посадить меня на плечи, на что она согласилась, поблагодарив его. В это время «Мерседес», управляемый немцами Германом Лангом, Манфредом фон Браухичем и Рудольфом Караччиолой, вырвался вперед. Позади них мчался французский гонщик Филипп Этанселин на «Тальбо», он мчался параллельно с «Альфа-Ромео». Когда приближался конец гонки и один из «Мерседесов» сошел с трассы, я услышал, как мама очень нервно говорит моему крестному, который сопровождал нас: «*Немцы победят, а третье место возьмут макаронники!*» Услышав это замечание, зритель, у которого я сидел на плечах, повернулся к маме и сказал ей: «*Мадам, я итальянец*». Она извинилась и объяснила ему,

ses excuses et lui expliqua, rouge de confusion et de honte, qu'elle ne comprenait pas pourquoi les Italiens étaient les alliés des Allemands. C'est tout ce qu'il me reste de cette conversation noyée dans le vacarme de la course.

Deux Mercedes s'emparèrent évidemment des deux premières places, celles des allemands Lang (1er) et Von Brauchitsch (2e) ; le français Étancelin sur la Talbot réussit à garder sa troisième place, et ce que ma mère ignorait, c'est que la voiture italienne, l'Alfa-Roméo rouge qui ne se classa que quatrième, était pilotée par un français qui deviendrait plus tard un grand champion, Raymond Sommer.

Mais la cérémonie qui suivit la fin de la course se déroula dans le tumulte. Le propos énervé qu'avait tenu ma mère à mon parrain et qui avait choqué l'italien qui me portait eut soudain un écho très fort car, lorsque le *Deutschland über alles* fut joué par l'orchestre municipal en l'honneur du vainqueur, des cris, des sifflets, des huées que j'entends encore, montèrent de la foule et couvrirent les rares applaudissements qui accompagnaient cet hymne...

C'était le deux avril 1939 et je ne pouvais pas imaginer que ces huées étaient les signes avant-coureurs de l'orage qui allait frapper l'Europe cinq mois plus tard...

L'été 1939

Beaucoup d'événements politiques se produisirent au cours de cet été 1939, mais ma mémoire d'enfant de cinq ans ne les a pas sélectionnés, et cet été fut donc un été sans histoire, marqué de nombreuses sorties avec mes parents sur les plages de la côte atlantique,

красная от смущения и стыда, что она не понимает, почему итальянцы превратились в союзников немцев. Этот обмен репликами, утонувший в гуле гонки, запомнился мне и неожиданно всплыл в памяти.

Как и следовало ожидать, два первых немецких «Мерседеса» заняли первые места: Ланг — первое и Фон Браухич — второе; француз Этанселлин на «Тальбо» сумел удержать свое третье место, и моя мать не знала, что за рулем итальянского красного «Альфа-Ромео», который занял всего лишь четвертое место, был француз Раймон Соммер, который позже станет великим чемпионом.

Церемония награждения победителей вызвала бурю негодования. Гневные комментарии моей матери, потрясшие итальянца, у которого я сидел на плечах, внезапно вызвали очень сильное эхо. Когда муниципальный оркестр начал исполнять *Deutschland über alles* в честь победителя, из толпы раздались крики, свистки и гудки, которые я до сих пор слышу, и перекрыли редкие аплодисменты, сопровождавшие этот гимн... Это было 2 апреля 1939 г., и я не мог представить, что эти крики были предвестниками грозы, которая должна была обрушиться на Европу пять месяцев спустя...

Лето 1939 г.

Летом 1939 г. произошло много политических событий, но память пятилетнего ребенка не сохранила их, и поэтому это лето было летом без исторических событий. Оно было отмечено многочисленными прогулками с родителями по пляжам

d'Arcachon à Pornic, c'est-à-dire de la côte des Landes dans le sud-ouest à la côte Bretonne. Sans doute mes parents, tout en profitant de bons moments au bord des plages, voire en fréquentant des restaurants et le casino de la Rochelle, étaient-ils soucieux de la situation internationale, mais on ne parlait pas de la guerre devant les enfants, et il n'était question pour moi que des guerres auxquelles mes soldats de plomb et mes bateaux participaient dans ma chambre où l'armée et la marine française triomphaient de tous les ennemis de la planète. Mon frère avait un an et il ne pouvait être le compagnon de jeu qu'il deviendra plus tard. Je me souviens que lorsqu'il avait été baptisé en 1938 dans la cathédrale de La Rochelle, il avait beaucoup crié, comme quoi le premier contact avec la puissance divine ne se déroule pas toujours dans la sérénité... !

On a souvent parlé de l'insouciance des Français au cours des mois qui précédèrent la déclaration de guerre, et sans doute cette insouciance a-t-elle contribué à la douce tranquillité dans laquelle se déroula pour moi ce dernier été avant l'orage qui allait s'abattre sur l'Europe.

Le 14 juillet 1939 me laissa un souvenir car il y eut des manifestations, un défilé et le soir une retraite aux flambeaux. Et cette fois-ci ce ne fut pas un italien mais mon père, avec qui je suivais le défilé, qui me prit sur ses épaules pour que je voie mieux toutes les lanternes et les lampions qui

Атлантического побережья, от Аркашона до Порника, то есть от побережья Ланд на юго-западе до побережья Бретани. Без сомнения, мои родители, наслаждаясь хорошей погодой и морем и даже посещая рестораны и казино в Ла-Рошели, были обеспокоены международной ситуацией, но они не говорили о войне в присутствии детей. Война для меня тогда представляла собою бои, в которых участвовали мои игрушечные солдаты и корабли на полу или на столе в моей комнате, где французская армия и флот всегда одерживали победу над всеми врагами планеты. Моему брату был год, и он не мог еще быть участником моих игр, каким стал позднее. Я помню, что, когда его крестили в 1938 г. в соборе Ла-Рошели, он сильно плакал, и я понял, что первый контакт с божественной силой не всегда происходит в безмятежности!..

В мире часто говорили о невнимательности французов в месяцы, предшествовавшие объявлению войны. Несомненно, это общее отношение к происходящему определило состояние безмятежного спокойствия, которое охватило меня этим летом, фактически перед грозой, которая собиралась разразиться над Европой.

О праздновании 14 июля 1939 г. у меня остались воспоминания, так как вечером были манифестации и парад. И на этот раз я сидел на плечах не у незнакомого итальянца, а у моего отца, который поднял меня, чтобы я мог лучше видеть парад и все фонари и факелы, которые

accompagnaient la fanfare et les soldats dans les rues de la ville. Le défilé passa devant notre librairie, gagna le port où fut donné un petit concert avant que ne commence un de ces bals dont on dit qu'ils sont populaires et qui, accompagnés de feux d'artifice, font danser et chanter toutes les villes et tous les villages de France. Bien sûr certaines des considérations que je tiens ne proviennent pas de ma mémoire de garçonnet de cinq ans, mais en faisant le recoupement entre la vie facile et agréable dans laquelle je me coulais auprès de mes parents et les informations que plus tard j'ai découvertes sur l'insouciance des français pendant cette période, je comprends en effet que cet été 1939 fut un bel été et personne n'imaginait qu'il allait si mal finir.

J'avais passé mon année scolaire à l'école maternelle Paul Doumer, et malgré la longue absence due à mon séjour hivernal à Mano, dans les Landes, je savais lire avant d'entrer au cours préparatoire qui était la classe où l'on apprenait théoriquement à lire. Cela n'avait rien d'étonnant car fils de libraire, je pourrais dire comme l'écrit Sartre dans *Les Mots* (mais je n'ai pas son génie!) :

« Les souvenirs touffus et la douce déraison des enfances paysannes, en vain les chercherais-je en moi. Je n'ai jamais gratté la terre ni quêté des nids, je n'ai pas herborisé ni lancé des pierres aux oiseaux. Mais les livres ont été mes oiseaux et mes nids, mes bêtes domestiques, mon étable et ma campagne ; la bibliothèque, c'était

сопровождали духовой оркестр и солдат по улицам города. Парад прошел перед нашим книжным магазином, достиг порта, где был дан небольшой концерт перед началом одного из праздничных балов, которые организуются каждый год и сопровождаются фейерверками, заставляют все города и все деревни Франции танцевать и петь. Разумеется, некоторые из рассуждений исходят не из моей памяти, в то время — пятилетнего мальчика, а из-за несогласованности между легкой и приятной жизнью, которой меня окружали мои родители, и информацией, которую я открыл для себя позже. Что касается небрежности французов в этот период, я действительно понимаю, что тем летом 1939 г. было прекрасное время, и никто не предполагал, что оно так плохо кончится.

Я провел учебный год в детском саду им. Поля Доумера, и, несмотря на долгий перерыв из-за моего зимнего пребывания в Мано, на Ландах, я уже умел читать, до того как был принят в подготовительный класс, где теоретически читать только учили. Это было неудивительно, так как я был сыном продавца книг. Я мог бы сказать, как Сартр написал в «Словах» (но у меня нет его гения!): «Насыщенные воспоминания и сладкая неразумность крестьянского детства, напрасно я буду искать их в себе. Я никогда не царапал землю и не искал гнезда, я не сажал и не бросал камни в птиц. Книги были моими птицами и моими гнездами, моими домашними животными, моей конюшней и моей сельской

le monde pris dans un miroir ; elle en avait l'épaisseur infinie, la variété, l'imprévisibilité. » (éditions Gallimard folio 1964 page 43)

Fils et petit fils de libraire, j'avais à ma disposition les livres de la librairie et tous ceux des bibliothèques personnelles de mon père et mon grand-père paternel. En outre la directrice de l'école maternelle expérimentale d'où je sortis en juillet 1939 était l'épouse d'un neveu de ma grand-mère maternelle. Ce neveu deviendra un des plus puissants armateurs de La Rochelle, et son épouse à qui je dois tant, et que j'appelais Tante Jeanne, était membre du parti communiste... ! Elle m'avait appris à lire sans que je ne m'en sois vraiment rendu compte, ce qui prouve qu'elle était une pédagogue de qualité, et justifie le fait que son école avait été désignée par l'administration de l'Instruction Publique comme école d'application où les élèves-maîtres de l'École Normale départementale de La Rochelle venaient faire des stages de formation professionnelle.

Sur le plan politique, il faut que je précise que si l'on considère l'ensemble que constituaient les familles de mon père et de ma mère, on aboutit à quelque chose de très hétérogène, même si ça penchait plutôt vers la droite...

Du côté de mon père la branche pyrénéenne de ma grand-mère était royaliste « légitimiste », c'est-à-dire

местностью; библиотека была миром, пойманным в зеркало; этот мир имел бесконечную толщину, разнообразие, непредсказуемость»¹.

Сын и внук продавца книг, я имел в своем распоряжении все книги книжного магазина и все личные библиотеки моего отца и деда по отцовской линии. Кроме того, директор экспериментального детского сада, из которого я выпустился в июле 1939 г., была женой племянника моей бабушки по материнской линии. Впоследствии этот племянник станет одним из самых влиятельных судовладельцев в Ла-Рошели, а его жена, которой я так многим обязан и которую я звал тетей Жанной, была членом Коммунистической партии!.. Она научила меня читать, не осознавая того, что я читаю, что доказывает, что она была великолепным педагогом, и оправдывает тот факт, что администрацией государственного образования ее школа была назначена базовой школой, куда студенты-преподаватели Нормальной школы департамента Ла-Рошели приезжали для прохождения курсов профессиональной подготовки.

Я должен уточнить ситуацию с политическими пристрастиями: если мы рассмотрим в целом семьи моего отца и моей матери, мы получим нечто очень разнородное, скорее с правым уклоном...

Со стороны моего отца по пиренейской ветви моей бабушки все были «легитимными» роялистами,

¹ Sartre J.-P. Les Mots / J.-P. Sartre. Gallimard Editions, 1964. С. 43.

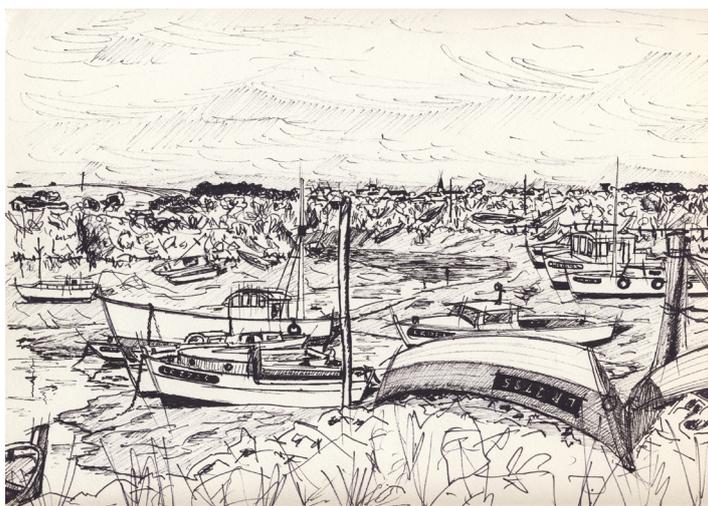
qu'on ne reconnaissait que les Bourbons, car un des Orléans ayant voté la mort du roi Louis XVI, il n'était pas question d'accorder la moindre confiance à ces derniers. Ma grand-mère paternelle, qui avait reçu l'éducation qu'on donne à une aristocrate devint la deuxième épouse de mon grand-père paternel, un riche bourgeois vendéen veuf, père d'un garçon (l'oncle Eugène) et d'une fille (tante Thérèse). Mon grand-père possédait entre autres biens la librairie et l'imprimerie dont mon père, son fils cadet du deuxième mariage, héritera. La famille pyrénéenne de ma grand-mère et de sa sœur étant ruinée, en partie à cause de la passion des chevaux d'un oncle Amédée que je n'ai pas connu, elles furent mariées l'une et l'autre à des riches bourgeois pour les raisons que je laisse au lecteur le soin d'imaginer. Ni l'une ni l'autre n'eurent droit à un mariage d'amour ! Tout ce monde, royaliste et ami des Chouans Vendéens, était plutôt catholique, mais n'allait pas à la messe à l'exception de la sœur de ma grand-mère paternelle. Certes on défendait le Pape mais de loin, et je peux dire que mon père était beaucoup plus intéressé par les œuvres de Lamarck et Darwin, ainsi que par un géographe de gauche anarchiste dont il possédait l'œuvre complète, Élysée Reclus, que par les livres dits sacrés. J'ajouterai qu'il fut « Camelot du roi », Action Française, mais quand en 1941 il fut rapatrié d'Allemagne où il était prisonnier de guerre, il reprit ses activités professionnelles (libraire, imprimeur, relieur) tout en entrant en contact avec la Résistance. Même si cela paraît contradictoire il était à la fois Royaliste et Bonapartiste.

то есть они признавали только Бурбонов, потому что один из династии Орлеанов проголосовал за смерть короля Людовика XVI. Моя бабушка по отцовской линии, которая получила аристократическое образование, стала второй женой моего деда по отцовской линии, который был богатым овдовевшим буржуа из Вандеи, отцом мальчика (моего дяди Эжена) и дочери (моей тети Терезы). Мой дедушка владел, помимо прочего, книжным магазином и типографией, которые впоследствии унаследовал мой отец, его младший сын от второго брака. Пиренейская семья моей бабушки и ее сестры была разорена, отчасти из-за страсти дяди Амеде, которого я не знал, к лошадям. Все были женаты или замужем за богатыми. Никто не имел права на брак по любви! Все, роялисты и друзья Вандейских мятежников, были скорее католиками, однако никто не ходил на мессы, кроме сестры моей бабушки по отцовской линии. Я могу сказать, что моего отца гораздо больше священных книг интересовали работы Ламарка и Дарвина, а также левого географа-анархиста, Жака Элизе Реклю, чьим полным собранием работ он владел. Я хотел бы добавить, что отец был членом группы сопротивления «Camelot du roi», Action Française. Когда в 1941 г. отец был репатрирован из Германии, куда попал как военнопленный, он возобновил свою профессиональную деятельность книготорговца, книгопечатника и переплетчика, присоединившись к сопротивлению. Даже если это и кажется противоречивым, он был и роялистом, и бонапартистом.

Du côté de ma mère, son père, d'origine bretonne, fils de petit bourgeois fut orphelin très tôt et comme il était très bon élève, il obtint le droit de se présenter au certificat d'études primaires avec un an d'avance, ce qui lui permit de travailler et gagner sa vie dès l'âge de 14 ans ; il devint imprimeur dans une imprimerie qui, je le précise, n'était pas celle de mon grand-père paternel.

Son épouse, ma grand-mère maternelle était le fille d'un marin cap-hornier qui reçut une médaille (créée par Napoléon III) parce qu'à 70 ans, en plein hiver il plongea dans l'eau glacée du port de La Rochelle et sauva la vie d'un garçon de 20 ans qui était tombé dans le port et s'était coincé sous une douve. Un frère de ma grand-mère maternelle, marin, était capitaine d'armement de bateaux de pêche, et l'un de ses deux fils devint l'armateur dont j'ai parlé plus haut. Son autre frère, marin également était responsable du syndicat des marins communistes du port...

Со стороны моей матери были бретонцы. Ее отец, сын мелкого буржуа, очень рано осиротел и, будучи очень хорошим учеником, получил право просить свидетельство о начальном обучении за год вперед, что позволило ему работать и зарабатывать на жизнь с 14 лет; он стал печатником в типографии, не в той, конечно, которая принадлежала моему деду по отцовской линии. Его жена, моя бабушка по материнской линии, была дочерью моряка кейпхорнъе, который получил медаль (учрежденную Наполеоном III), потому что в 70 лет, в середине зимы, нырнул в ледяную воду порта Ла-Рошели и спас жизнь 20-летнему парню, который упал с паркета и застрял подо рвом. Брат моей бабушки по материнской линии, моряк, был капитаном рыболовных судов, а один из двух его сыновей стал судовладельцем, о котором я упоминал выше. Его другой брат, тоже моряк, отвечал за союз моряков-коммунистов в порту...

J'ajouterai que cette grand-mère était catholique et très croyante, mais elle s'entendait très bien avec ses deux frères, y compris avec le communiste ! Cette fille de marins devint couturière et elle fit donner à ma mère une éducation très catholique en l'inscrivant à l'École privée catholique de la Providence où toutes les enseignantes étaient des religieuses. Ma mère est née en 1914 au moment où mon grand-père fut mobilisé. Blessé trois fois à Verdun (un coup baïonnette dans le ventre, plus tard une partie d'un mollet emportée par un éclat d'obus, enfin en 1918 il fut pris par les gaz et fut sauvé de justesse). Décoré de la Médaille Militaire, et de la Croix de guerre (avec palmes) il devint anti-militariste et échappa de justesse à la prison en 1919 pour avoir promené son chien (qui s'appelait Camisard) en laisse dans La Rochelle après avoir accroché les médailles gagnées sur le front à son collier... ! Il lisait beaucoup et parlait peu, mais il m'aimait et m'apprit beaucoup de choses.

En te priant cher lecteur, *mon frère*, comme disait Baudelaire... de m'excuser de cette longue énumération des principaux membres de ma famille, je précise qu'en somme dans cette famille il y avait des gens de droite et des gens de gauche, des croyants et des athées, des catholiques et des protestants, bref les différents courants religieux et politiques irriguèrent tout ce monde, ce qui explique que la politique m'intéressait très jeune, mais mon engagement se limita à soutenir les idées que j'avais choisies et je n'ai jamais brigué une responsabilité politique. Quant à la religion je m'en suis débarrassé vers l'âge

Я бы добавил, что бабушка по материнской линии была католической, и очень религиозной, однако она очень хорошо ладила со своими двумя братьями, в том числе с коммунистом! Эта дочь моряков стала кутюрье, она смогла дать маме католическое образование, записав ее в частную католическую школу Провидения, где все учительницы были монахинями. Моя мама родилась в 1914 г., в тот год, когда мой дедушка был мобилизован. Он был трижды ранен в Вердене (штыковой удар в живот, позже осколочное ранение, в конце концов в 1918 г. отравление газом, после которого он едва оправился). Награжден Военной медалью и Военным крестом (с пальмовыми ветвями). В 1919 г. он стал антимилитаристом и едва избежал тюрьмы за то, что выгуливал свою собаку (которую звали Камизард) в Ла-Рошели, повесив на ошейник медали, завоеванные на фронте! Он много читал и мало говорил, но он любил меня и многому меня научил.

Прошу Вас, дорогой читатель, *мой брат*, как говорил Бодлер, извинить меня за этот длинный список членов моей семьи. Я должен отметить, что в этой семье были правые и левые, верующие и атеисты, католики и протестанты, короче говоря, различные религиозные и политические течения орошали всех этих людей, что объясняет, почему политика заинтересовала меня очень рано, но мое участие ограничивалось поддержкой выбранных мною идей, и я никогда не баллотировался на политические должности. Что касается религии, я избавился от нее примерно в 15 лет

de 15 ans, et suis devenu un mécréant, un athée convaincu...

Je reviens sur cet été 1939 qui se déroula dans la douceur de la vie bourgeoise d'un enfant d'une famille de privilégiés. Un petit signe de la guerre peut-être : le dimanche matin mon grand-père paternel (celui qui était riche) nous emmenait, une de mes cousines et moi, nous promener à pied vers le quartier des Minimes qui s'étirait à partir de la Tour Saint-Nicolas, celle que les bateaux dépassent à tribord quand ils sortent du port. Aujourd'hui, sitôt passée la tour précitée, on trouve une magnifique université spécialisée dans les sciences de la mer, et plus loin à environ un kilomètre, un immense bassin contenant des milliers de bateaux de plaisance et de compétition. Je ne sais pas ce qu'il en est de nos jours mais en 2010 c'était encore le plus grand port de plaisance d'Europe.

En 1939 il n'y avait sur cette longueur de côte que des tamaris, et des cabanes en bois de marins pêcheurs. Or plus loin, à la sortie de la rade, il y avait « Le bout blanc », une avancée rocheuse où les mauvaises langues disent que des naufrageurs allumaient des feux à cet endroit la nuit pour tromper les bateaux qui venaient s'échouer et étaient aussitôt pillés. Or plusieurs fois au cours de nos promenades nous entendîmes des explosions sourdes et lointaines. Mon grand-père nous expliqua que c'était des exercices de tir au canon. Voilà peut-être le seul signe qui pouvait être annonceur de la guerre, mais dans mon esprit d'enfant c'était des soldats qui s'entraînaient tout simplement car il y avait

и стал неверующим, убежденным атеистом...

Я возвращаюсь в лето 1939 г., которое протекало в безмятежности жизни городского ребенка из привилегированной семьи. Тогда же появился для меня неясный признак войны. Воскресным утром мой дед по отцовской линии (тот, который был богатым) взял нас, одного из моих двоюродных братьев и меня, на пешую прогулку к району Миним, который простирался от Башни Святого Николая, той, которую видно по правому борту, когда корабли выходят из порта. Сегодня, как только вы минуете вышеупомянутую башню, вы увидите здания великолепного университета, который специализируется на морских науках, и еще в километре от него огромный порт, самый большой в Европе, для тысяч прогулочных и спортивных лодок.

В 1939 г. на этой полосе побережья можно было увидеть только заросли тамариска и деревянные хижины рыбаков. Но чуть дальше, в конце гавани, находились обнаженные скалы, Le Bout Blanc. Говорят, что морские разбойники в этом месте зажигали огни, чтобы привлечь корабли, заставить их подойти к берегу. Корабли садились на мель, и разбойники грабили их.

Несколько раз во время наших прогулок мы слышали глухие и отдаленные взрывы. Мой дедушка объяснял нам, что это были испытания пушек. Это, пожалуй, был единственный признак того, что приближалась война. Однако в

plusieurs casernes dans notre ville et j'avais vu les soldats et marins défiler le jour du 14 juillet.

Le petit garçon que j'étais, chef de ses soldats de plomb, ne pouvait pas savoir qu'en mars 1938 l'armée allemande avait envahi la Bohême et la Moravie qui devint la Tchécoslovaquie ; que la guerre d'Espagne était terminée, mais sans doute que les danseurs de flamenco rencontrés à Mano pendant l'hiver ne sont pas rentrés chez eux . Enfin, comment aurait-il pu imaginer que Staline avait signé le 23 août un pacte de non-agression avec Hitler ? Aucun de ces événements ne fut connu de mes soldats et des équipages de mes navires de guerre qui continuaient à vaincre sur tous les fronts...de ma chambre, les ennemis de la France !

**Du 3 septembre 1939
au 23 juin 1940**

Est-ce que l'on parlait d'Hitler en France dans la période qui précéda septembre 1939 comme Anna Pavlovna parlait en juin 1805 de Napoléon qui venait de s'emparer de la Ligurie et de Gênes, et le comparait à l'Antéchrist (Tolstoï *La guerre et la paix*) ? Je n'en sais rien, j'étais encore trop jeune enfant (5 ans et 6 mois) pour m'en rendre compte, mais malgré les signes dont j'ai fait état dans mes propos précédents je me souviens d'un été agréable (après un hiver qui avait été très froid), de nombreuses sorties à la plage, des pique-niques avec mes parents dans la magnifique forêt de Mervent-Vouvant, ou encore face au gouffre d'enfer

тогдашнем моем детском восприятии солдаты просто тренировались. В нашем городе было несколько казарм, и я видел солдат и парад моряков в день 14 июля.

Я был тогда маленьким мальчиком, мое войско состояло из игрушечных солдат. Я не мог знать, что в марте 1938 г. немецкая армия вторглась в Чехию и Моравию, которая стала Чехословакией; что испанская война закончилась, но, вероятно, танцоры фламенко, которых я встретил в Мано зимой, не вернулись домой. Наконец, как пятилетний ребенок мог представить, что Сталин подписал 23 августа пакт о ненападении с Гитлером? Ни одно из этих событий не было известно моим солдатам и командам моих военных кораблей, которые продолжали поражать на всех фронтах... из моей комнаты врагов Франции!

**От 3 сентября 1939 г.
до 23 июня 1940 г.**

Были ли разговоры о Гитлере во Франции в период до сентября 1939 г., подобные тем, что описывал Лев Толстой в романе «Война и Мир», когда его героиня Анна Павловна говорила в июне 1805 г. о Наполеоне, который только что захватил Лигурию и Геную, и сравнила его с антихристом? Я не знаю, я был еще слишком маленьким (5 лет и 6 месяцев), чтобы понять это.

Несмотря на редкие признаки войны, которые я упоминал в моих предыдущих комментариях, основное, что я запомнил, — это приятное лето, столь отличное от холодной зимы, прогулки по пляжу, пикники

au sud de l'immense plage des Sables d'Olonne, sans parler des baignades, des jeux dans les dunes de Châtelailon, des parties de pêche avec un de mes oncles qui posait son carrelet au pied de la tour Saint-Nicolas et remontait des sardines. Quand il pleuvait j'adorais dessiner, et feuilleter des livres pour en admirer les images. Bref tout allait bien dans mon enfance de privilégié, mais de ce privilège je n'étais pas conscient et il me semblait que cette vie était normale, naturelle, donc partagée par tous les enfants.

Mon cher lecteur ma stratégie n'est pas de créer un effet de suspens et je suis obligé d'avouer que je n'ai aucun souvenir du 3 septembre 1939, jour de la déclaration de guerre de la France à l'Allemagne ! De cette journée historique je n'ai absolument rien retenu, ce qui prouve qu'elle se déroula pour moi comme les jours précédents : des jours sans histoires alors que l'Histoire était en train d'ébranler le monde.

J'imagine que ce jour-là les adultes se disputaient les journaux et écoutaient la radio, la T.S.F. comme on disait alors, mais de ce monde des adultes mon frère et moi étions complètement isolés, protégés, et ce ne fut que très progressivement que je me rendis compte que nous étions en guerre. Mon père fut mobilisé mais on nous cacha son départ, et la phrase de ma mère, quand je pris conscience qu'il était

с моими родителями в великолепном лесу Мервент-Вуван, спуски в пещеру, известную под именем «Бездна ада», что находится к югу от Олонских песков, огромного пляжа, не говоря уже о плавании, играх в дюнах Шателайона, рыбалке с одним из моих дядей, который однажды положил выловленную камбалу у подножья башни Святого Николая, а сардины на ее вершине. Когда шел дождь, я любил рисовать и листать книги, любясь картинками. Короче говоря, всё было хорошо в моем привилегированном детстве, но об этой привилегии я не знал, и мне казалось, что эта жизнь была нормальной, естественной, и что такая жизнь была у всех детей.

Мой дорогой читатель, моя цель не в том, чтобы создать эффект напряженности или обманутого ожидания. Я должен признать, что у меня нет воспоминаний о 3 сентября 1939 г. — дне объявления войны между Францией и Германией! Об этом историческом дне, как и о последующих, в моей памяти абсолютно ничего не запечатлелось, что доказывает, что для меня, как и предыдущие дни, это были дни без истории, в то время как история сотрясала мир.

Я полагаю, что в тот день взрослые жадно читали газеты и слушали радио T.S.F. (Т. Ф.), как они рассказывали потом, но от этого взрослого мира мы с братом были полностью изолированы, защищены, и только спустя некоторое время я осознал, что мы на войне. Мой отец был мобилизован, но взрослые скрыли его отъезд от нас и только нечаянно оброненная фраза моей матери

vraiment parti se battre contre les Allemands comme l'avait fait mon grand-père vingt-cinq années plus tôt : *Papa va revenir bientôt, il nous a écrit que la guerre ne durerait pas longtemps*, me rassura, et même m'enthousiasma car « mon papa » ne pouvait être que dans le camp des vainqueurs !

Le mois de septembre était beau, et la nouvelle « *employée de maison* » (à l'époque on disait « *la bonne* »), une jolie rousse aux yeux bleus, m'emmenait à la plage quand ma grand-mère ne pouvait plus le faire. C'était un premier changement provoqué par la guerre : mon père parti, ma mère resta seule pour gérer la librairie avec deux vendeuses, l'imprimerie et l'atelier de reliure avec quatre ouvriers, d'où le recrutement de cette bonne qui vint s'ajouter aux deux personnes qui étaient chargées du ménage, du lavage du linge, du repassage et de l'entretien de notre maison. C'était une grande maison qui comportait trois étages, au 47 de la rue Saint-Yon entre la mairie et la place du marché.

La première journée qui me donna l'impression de vivre la guerre - je suis incapable d'en donner la date - fut celle de la distribution des masques à gaz. Ces masques étaient kakis, comme les uniformes de l'armée française, si bien que lorsque j'en essayai un, mon imagination eut vite fait de me transformer en soldat... Ma mère avait fait venir ses parents qui quittèrent leur villa située à deux km du centre ville pour habiter avec nous.

заставила меня понять, что отец действительно отправился воевать против немцев, как и мой дедушка двадцать пять лет назад. Мама уверяла: «*Папа скоро вернется, он написал нам, что война не будет длиться долго*». Эти слова одновременно успокоили и взволновали меня, потому что «мой папа» мог быть только в лагере победителей!

В сентябре стояла хорошая погода, у меня появилась новая «бонна», симпатичная, рыжая с голубыми глазами, она водила меня на пляж вместо бабушки. Это было первое изменение, вызванное войной: мой отец ушел, моя мать осталась одна. На ней был книжный магазин с двумя продавщицами, типографией и переплетным цехом с четырьмя работниками, еще были люди, ответственные за уборку, стирку одежды, глажку и обслуживание нашего дома. Это был большой трехэтажный дом № 47 по улице Сент-Йон, между ратушей и рынком.

Первый день, когда я почувствовал, что действительно живу во время войны, — я не могу назвать дату — это во время раздачи противогазов. Они были цвета хаки, такого же, как и униформа французской армии, поэтому, когда я примерил один из противогазов, мое воображение быстро заставило меня превратиться в солдата... Моя мать привезла жить с нами своих родителей, которые покинули свою виллу, расположенную в двух километрах от центра города.

Mon grand-père, en m'expliquant le fonctionnement du masque à gaz et en m'apprenant à le mettre, me raconta que « *les sales boches avaient utilisé les gaz en 1914-18* ». Il en savait quelque chose puisque lui et son beau-frère avaient été gazés. C'est dans l'infirmerie anglaise où il fut soigné qu'il retrouva ce beau-frère et découvrit que depuis trois ans ils se battaient à Verdun à quelques centaines de mètres l'un de l'autre sans s'être jamais rencontrés. Pendant qu'il me racontait cela, c'était pour moi comme si la guerre de 1914-18 s'étirait jusqu'à 1939. Je sais aujourd'hui que pour certains historiens la paix qui dura de 1918 à 1939 ne fut qu'une pause dans un conflit qui occupa en fait toute la première moitié du XXe siècle.

Un autre événement brisa pour peu de temps nos habitudes, ce fut en septembre l'arrivée de quelques réfugiés belges. Ma mère en reçut à la maison où il ne restèrent pas plus d'un jour ou deux. Leur accent m'étonna car si j'étais habitué aux variations de la prononciation du français par les gens du Sud, j'ignorais totalement celles des gens du Nord. Tous les belges ne sont pas grands mais ceux qui s'arrêtèrent chez moi l'étaient tous. Certes la Belgique n'était pas encore envahie par l'Allemagne, mais ces premiers réfugiés belges prenaient sans doute leurs précautions. Bien plus tard, après avoir appris les horreurs du régime nazi je me suis demandé si ce n'était pas des juifs en fuite que nous avions accueillis? Ils partirent comme ils étaient venus, et nous n'entendîmes plus jamais parler d'eux.

Мой дедушка, объясняя мне, как работает противогаз, и показывая, как его надо надевать, обмолвился, что «*грязные боши использовали газ в 1914-18 годах*». Он многое знал об этом, так как он и его зять, мой дядя, были отравлены газом. Они нашли друг друга в английском лазарете и обнаружили, что в течение трех лет сражались в Вердене в нескольких сотнях метров друг от друга, даже не встретившись. Пока он рассказывал мне об отравлении газом, боях при Вердене и лазарете, у меня создалось впечатление, как будто война 1914-1918 гг. продолжалась до 1939 г. Сегодня я знаю, что для некоторых историков мирное время, которое длилось с 1918 по 1939 г., было только перерывом во время конфликта, который фактически занял первую половину XX в.

Еще одним событием, которое на короткое время нарушило наш мирный распорядок, стало прибытие в сентябре нескольких бельгийских беженцев. Они пробыли у нас дома не больше суток. Их акцент удивил меня, я привык к различиям в произношении южан и не подозревал, что произношение у жителей севера отличается от нашего. Вообще бельгийцы не отличаются высоким ростом, но те, кто останавливался у нас, были высокими. В то время Бельгия еще не была захвачена Германией, но эти первые бельгийские беженцы, несомненно, принимали все меры предосторожности. Намного позже, после того, как я узнал об ужасах нацистского режима, я подумал: а не были ли это спасающиеся от немцев евреи. Наутро они ушли, и мы никогда не слышали о них снова.

Les derniers mois de 1939 se déroulèrent dans le calme, au point que je n'aurais jamais cru vivre dans un pays en guerre si nous ne recevions pas de temps en temps des lettres de mon père nous expliquant « *qu'ils allaient la gagner* ».

Noël 1939 fut la date de mon premier acte de résistance, non pas contre l'éventuel envahisseur allemand, mais contre l'Église catholique. L'archiprêtre de l'Église Saint-Sauveur, une église située tout près du port et qui avait été en des temps très anciens brûlée en partie par les Anglais, demanda à ma mère si elle acceptait que mon frère (âgé de 1 an et 9 mois) puisse jouer le rôle de l'enfant Jésus dans la crèche qu'il voulait rendre vivante le 25 décembre . Quant à moi je devais jouer le rôle de Saint-Joseph! Trop petit pour dire non, mon frère, habillé de blanc et de doré, fut installé le jour de Noël dans une berceau rempli de paille situé dans une chapelle latérale. On voulut m'habiller en Saint-Joseph, un Saint-Joseph qui devait être revêtu d'une tunique de satin blanc bordée de jaune (je la revois encore tant elle me fit horreur!) et malgré tout l'amour que je portais à ma mère, j'ai refusé l'effroyable accoutrement et mes cris de colère résonnèrent si fort sous la voûte de la cathédrale que mère et grand-mère capitulèrent. Je fus remplacé par un garçon plus docile, et pendant la messe j'aurais voulu sauver mon frère de ce désastre, mais bien sûr, tenu fermement par la main de ma mère j'ai attendu avec impatience que cette représentation théâtrale fût terminée. Je revois les visages voilés de dentelle

Последние месяцы 1939 г. были настолько спокойными, что я даже и не ощущал, что живу в стране, где идет война, если бы время от времени мы не получали письма от моего отца, где он писал, что «*мы обязательно победим*».

Рождество 1939 г. стало датой моего первого акта сопротивления, сопротивления не против возможного немецкого захватчика, а против католической церкви. Настоятель собора Святого Спасителя, расположенного в непосредственной близости от порта и в древние времена частично сожженного англичанами, попросил мою мать разрешить моему брату, которому на тот момент было от роду 1 год и 9 месяцев, сыграть роль младенца Иисуса в яслях. Мне предлагалось сыграть роль святого Иосифа! Мой брат был слишком маленьким, чтобы сказать «нет», и вот на Рождество 25 декабря его нарядили в белое и золотое и уложили в боковой часовой в колыбель на солому.

Они хотели нарядить меня святым Иосифом, облачить в белую атласную тунуку, окаймленную желтым (я до сих пор вижу ее, так сильно она ужаснула меня!). И несмотря на всю мою любовь к маме, я отверг ужасный наряд, мои вопли гнева эхом раздавались под сводом собора. И мать, и бабушка капитулировали. Меня заменил более послушный мальчик, и во время мессы я всё время хотел спасти моего брата и, твердо держась за руку матери, с нетерпением ждал окончания этого театрализованного представления. Я до сих пор вижу

noire de ma mère et de ma grand-mère qui récupérèrent le « nouveau Jésus » dès la fin de l'office et reprirent le chemin de notre maison. Que les choses soient bien claires, cet acte de révolte n'était pas le résultat d'une prise de conscience (qui viendra beaucoup plus tard) du caractère illusoire des religions, mais simplement je percevais le ridicule de ces personnages déguisés, et je ne voulais pas en être.

La vie continuait, ma mère se couchait très tard tous les soirs car elle faisait la comptabilité de notre entreprise, mon grand-père maternel qui avait été imprimeur remplaça un ouvrier qui avait été mobilisé, mon grand-père paternelle mourut d'une jaunisse, j'avais été opéré d'une appendicite avec péritonite en novembre dans une clinique qui donnait sur le front de mer. De ma chambre je voyais la mer, ce qui rendit ma convalescence plus supportable. Quand on est né au bord de l'océan Atlantique, le dialogue avec la mer règle de nombreux moments de l'existence, et ce dès l'enfance.

J'allais à l'école ; on m'avait inscrit dans la classe des grands de l'école maternelle du Petit Lycée, qui était beaucoup plus proche de notre domicile que l'école maternelle dont j'ai parlé précédemment.

Mon grand-père écoutait très souvent la T.S.F. et malgré les sourires qu'il me faisait, je remarquais que son visage avait souvent une expression de gravité.

Au début de juin 1940, je ne sais plus quel jour exactement, la sirène

покрытые черными кружевами лица моей матери и бабушки, которым вернули «нового Иисуса» в конце службы. Позвольте мне прояснить, что этот акт неповиновения не был результатом осознания (которое пришло намного позже) иллюзорной природы религий, а просто я воспринял как насмешку это маскарадное действие и не захотел в нем участвовать.

Жизнь продолжалась, моя мама каждый вечер ложилась спать очень поздно, поскольку она занималась бухгалтерским учетом нашего бизнеса; мой дед по материнской линии, который был печатником, заменил мобилизованного рабочего; мой дед по отцовской линии умер от желтухи. В ноябре мне была сделана операция для лечения аппендицита с перитонитом в клинике с видом на набережную, я мог видеть море, что делало мое выздоровление вне дома более терпимым. Если вы родились на берегу Атлантического океана, диалог с морем регулирует многие моменты существования, и это осознается с детства.

Я собирался в школу; я был зачислен в старшие классы подготовительной школы «Младший лицей», который был намного ближе к нашему дому, чем детский сад, о котором я упоминал ранее.

Мой дедушка очень часто слушал T.S.F., и несмотря на то, что он всегда улыбался, завидев меня, я заметил, что его лицо становилось всё мрачнее и мрачнее.

В начале июня 1940 г., не знаю, в какой именно день, однажды утром

sonna un matin et ma mère dut fermer le magasin et ouvrir notre porte à des voisins venus s'abriter dans l'une de nos deux caves superposées, sur ordre de la « défense passive ». Ces deux caves avaient été désignées pour faire fonction d'abri public. Me voilà avec mon frère, ma mère, ma grand-mère et une dizaine de personnes au milieu des caisses, des ripes, des emballages vides et du charbon, dans une cave voûtée éclairée par une seule ampoule. Un monsieur parle de bombardements au phosphore qui ont eu lieu dans le nord de la France et qui ont fait beaucoup de morts car le phosphore coule même dans les caves. Je suis incapable de dire si ce qu'il racontait était vrai, mais ça m'impressionnait. Heureusement ma mère était là, calme, nous gardant mon frère et moi contre elle, et il me semblait que rien ne pouvait nous arriver. Mon grand-père n'avait pas voulu descendre à la cave et comme j'avais vu qu'il avait des jumelles à la main je supposais qu'il était allé au grenier pour regarder le bombardement par la très grande lucarne qui donnait sur les toits; j'aurais aimé être avec lui pour regarder. Au bout d'environ une heure la sirène sonna la fin de l'alerte et tout le monde remonta.

Si la guerre de 1914-18 n'avait pas touché La Rochelle, il n'en était plus de même en cette année 1940 puisque ce sont des avions allemands qui vinrent bombarder la rade et le port de La Pallice où des réservoirs d'essence se mirent à brûler. Le lendemain de cette vraie journée de guerre des clients

прозвучала сирена, и моей матери пришлось закрыть магазин и впустить соседей, которые пришли, чтобы укрыться в одном из двух наших подвалов, переоборудованных под убежище согласно приказу о «пассивной защите». Здесь я оказался в сводчатом погребке, освещенном одной лампочкой, со своим братом, мамой, бабушкой и дюжиной незнакомых людей, среди ящиков, запасов овощей, пустых упаковок и кучи угля. Я слышал, как какой-то господин говорит о бомбардировках фосфорными бомбами на севере Франции, из-за которых погибло много людей, потому что фосфор проникает даже в подвалы. Я не знаю, было ли то, что он сказал, правдой, но его слова произвели на меня впечатление. К счастью, в тот момент моя мама не запаниковала, прижимая к себе меня и моего брата, и мне казалось, что с нами ничего не случится. Мой дедушка не хотел спускаться в подвал, и я увидел, что он держит бинокль. Я подумал, что он отправится на чердак и будет наблюдать за падающими бомбами через большой световой люк, который выходил на крышу. Я бы предпочел стоять и смотреть через люк рядом с ним, чем ожидать в подвале. Примерно через час прозвучала сирена, тревога завершилась, и все ушли.

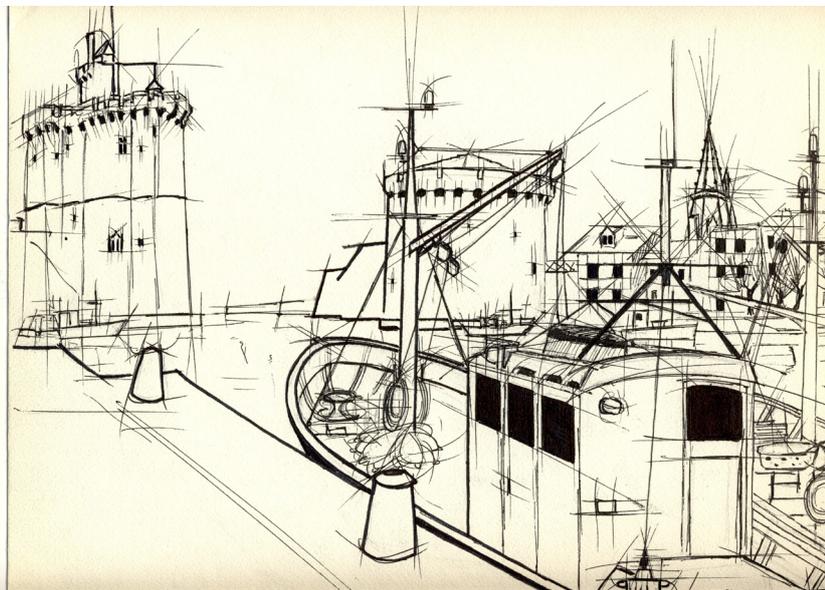
Если война 1914-1918 гг. не коснулась Ла-Рошели, то в 1940 г. немецкие самолеты начали бомбардировать гавань и порт Ла-Паллис, где находились резервуары с бензином, которые начали гореть. Назавтра после этого настоящего для меня дня войны покупатель книжного

de la librairie expliquèrent à ma mère que les Allemands avaient largué des mines magnétiques dans la rade entre La Pallice, l'île de Ré, l'île d'Oléron, l'île d'Aix et le vieux port de notre ville. Les Allemands avaient lâché quelques bombes qui firent des dégâts sur le rivage, mais il semblait que l'important pour eux était de bloquer les bateaux en rendant la navigation très difficile, voire impossible, dans toutes les passes de la côte. A l'époque, dans mon esprit d'enfant, même si j'écoutais les adultes qui tenaient des propos angoissants, je ne pouvais imaginer que ce largage de mines étaient tout simplement la préparation minutieuse de l'occupation de ma ville, ses ports et ses environs par l'armée allemande.

Nous avons reçu une lettre triomphante de mon père dans laquelle il y avait un morceau de plastique transparent : c'était un morceau du cockpit d'un avion allemand, un Messerschmitt

магазина объяснили моей матери, что немцы сбросили мины в гавани между Ла-Паллис, Иль-де-Ре, Иль-д'Олерон, Иль-д'Экс и старым портом нашего города. Немцы сбросили несколько бомб, которые повредили берег. Оказалось, что для них было самым важным заблокировать все корабли и лодки, сделать невозможной навигацию по всему побережью. В то время, в моем детском восприятии, даже слушая, что говорили взрослые, я не мог даже в мыслях допустить, что эта минная бомбардировка была не чем иным, как дотошной подготовкой к оккупации немецкой армией моего города, его портов и окрестностей.

Мы получили «триумфальное» письмо от моего отца, в котором был кусок прозрачного пластика: это был кусок кабины немецкого самолета, «Мессершмитта», сбитого подраз-

que ses hommes avaient abattu. Bien sûr j'étais persuadé que « nous » allons gagner cette guerre, et dans ma chambre je disposais mes soldats de plomb et mes bateaux dans des positions qui ne pouvaient que les conduire à la victoire... !

Alors que l'été revenait, que l'année d'école au Petit-Lycée touchait à sa fin, je me souviens de cette journée où ma famille, mais aussi les ouvriers et le personnel de la maison, tous regroupés autour du poste situé dans notre salle à manger, écoutaient le Maréchal Pétain annonçant l'armistice. Je ne savais pas ce que voulait dire le mot armistice (que tout le monde répétait autour de moi) mais je compris que c'était grave. Bien sûr ce message a été de nombreuses fois repassé à la radio, mais j'ai le souvenir très précis du moment où cette voix sourde jeta la consternation sur les visages de tous ceux qui l'écoutaient. Le lendemain de ce sinistre 22 juin 1940, les blindés allemands entraient dans La Rochelle.

делением отца. Конечно, я был убежден, что «мы» выиграем эту войну, и в своей комнате я выстраивал своих игрушечных солдат и лодки в позиции, которые могли привести их только к победе!..

Когда наступило лето, учебный год в Младшем лицее подходил к концу. Я помню тот день, когда моя семья, а также типографские рабочие и обслуживающий персонал дома собрались вокруг большого радиоприемника, расположенного в нашей столовой. Все слушали, как маршал Петен объявляет о прекращении военных действий (armistice). Я не знал, что означает слово «armistice», которое повторяли все вокруг меня, но я понял, что всё очень серьезно. Конечно, это сообщение много раз транслировалось по радио, но у меня осталось очень четкое воспоминание об ужасе от этого глухого голоса на лицах всех, слушавших радио. На следующий день после этого зловещего 22 июня 1940 г. немецкие танки вошли в Ла-Рошель.